

Программу первого концерта хора мальчиков только что открытого нового учебного заведения (14 июня 1945 года, Малый зал консерватории) начинали "Кантата о Сталине" и гимн "Да здравствует наша держава" А.Александрова, "Родимый край" и "Былина о Добрыне" А.Свешникова, "Встреча Буденного с казаками" В.Соловьева-Седого, словацкая народная песня "Сапожки", "На севере диком" и "Буря мглою небо кроет" Даргомыжского, несколько хоровых миниатюр Чайковского ("Утро", "Соловушка", "Ночевала тучка") — а завершали "Вечерняя песня" Палестрины, терцет, Ария ре-мажор и 4-голосная fuga Баха, "Пришла весна" Гайдна и русский кант XVII века "Славься отчизна!" Среди детей, певших в том памятном концерте, были и участники следующего диалога — нынешний руководитель Училища, ставшего в 1991 году Хоровой академией, народный артист СССР, профессор Виктор Сергеевич Попов и ваш покорный слуга — музыковед Аркадий Петров. 31 марта в Зале им. Чайковского училище отметило свой 60-летний юбилей.

— Виктор, попробуем вернуться в прошлое, в наши послевоенные училищные годы. Только что закончилась война, на дворе голодное и холодное послевоенное время. Мы — мальчишки, собранные по городам и весям подурезанной страны. Стриженные, с челочками, худые, в ботинках на деревянной подошве. Но с ясными, звонкими голосами... Почему именно надо было создавать учебное заведение подобного рода? Мне кажется, в основе лежала сталинская мысль: империи нужен представительный фасад, высокопрофессиональные артисты, блеск, величие. Для этого было отобрано чисто академическое искусство: Большой и Малый театры, МХАТ, созданы новые коллективы — Государственный симфонический оркестр, Государственный ансамбль народного танца, Госхор, некоторое время существовал даже Госджаз. В цепочке не хватало детского коллектива: эта "ниша" пустовала. Я прав?

— Все это верно. Но была и другая причина: восстанавливались старые русские традиции — ведь Свешников реконструировал то, что существовало до революции в хоре Синодального училища. Это раз. И два: война лишила родителей сотни тысяч ребят. Для них создавались детские дома, открывались суворовские училища. Хоровое училище тоже имело такой вот оттенок — пристроить к делу сирот. В нашем классе, кстати, отцы были лишь у тебя и Николая Садикова — и то потому, что по возрасту не подлежали призыву в армию. А все наши папы попали на фронт. И все погибли.

— Помнишь наш тогдашний быт? Каждое утро начиналось со спевки — хоровой репетиции. В девять утра мы стояли в зале; дежурный сдавал Свешникову ра-

порт, он здоровался, мы дружно отвечали "Здравствуйте!". Физически выдержать эти репетиции было невероятно трудно: напряжение, духота, опереться не на что, ноги затекают. Кое-кто даже в обморок падал: глядишь — человек бледнеет, потом синее и вдруг начинает заваливаться на соседей.

— Свешникова мы воспринимали тогда с восхищением и страхом одновременно. Он был человеком высокого роста — под два метра; взгляд острый, часто недобрый. Заставит кого-то спеть сольный кусок: "А ну-ка — от циффы шесть!" Если хорошо споешь — похвалит. Хотя хвалил скупно. Знал, у кого выходит лучше, и обычно спрашивал именно своих любимцев — получалось эталонное исполнение. Конечно, у него была масса рутинных приемов: дыхание, "дробление", голову высоко поднять, диафрагму установить, животы подтянуть. Любил демонстрировать правильное дыхание на собственном примере: "Подойди! Положи руку мне на диафрагму. Чувствуешь, как я ды-

шу? Вдох, выдох. Вот так!" Не все было мирно. Просит спеть — а у тебя не получается. Поешь второй раз дрожащим голосом. Перевернешь текст. Свешников багровеет: "Еще раз!" Опять врешь — теперь уже от страха. Александр Васильевич в ярости: "В угол!" (было в зале такое штрафное место).

— Да, были сложности. Категорически, например, было запрещено мороженое (а как хотелось!) Зато развивались мы стремительно. Была база — традиции Петербургской хоровой капеллы. Старшие в хоре всегда "тянули" младших. Было великолепно поставлено изучение сольфеджио (педагог Николай Иванович Демьянов). Свешниковская система шла от тембра, краски. У него был свой эстетический идеал детского хора — голоса чистые, прозрачные, без вибрации. Некое "ангельское" звучание, вероятно, связанное со старинной духовной музыкой — Палестрина, Орlando Лассо, Бах, Гайдн, русские канты — Бортнянский, Березовский. "Храмовое звучание" — точное совпадение определенных диапазонов, игра обертонов.

А теперь, Виктор Сергеевич, — несколько слов о концерте 31 марта.

— Начали мы с произведений "свешниковского" периода. С композиций для раннего "хора мальчиков": знаменитых мелодий "Родимый край мой дорогой", "Гаснет вечер". Затем показали сделанные Александром Васильевичем обработки народных песен — "Повань, повань, бурь-погодушка", словацкие "Сапожки".

Затем хор мальчиков сменил юношей, который представил русскую духовную музыку — таких, например, авторов, как Павел Чесноков и Дмитрий Бортнянский ("Херувимская" и Третий хоровой концерт). Но главным для нас стало второе отделение — большой смешанный хор Академии (мальчики, юноши, студенты, аспиранты — 200 человек) исполнили часовую ораторию в 15-ти частях "Всеношное бдение" Рахманинова. Сольные эпизоды прозвучали в исполнении Татьяны Липовенко и солиста "Новой оперы" Дмитрия Корчака.

— Хотя профильным направлением Училища (Академии) является пение (и хоровое дирижирование), вы за эти годы выпустили музыкантов иных спе-

циальностей — композиторов, симфонических дирижеров, музыковедов. Сейчас факультативно идут занятия по звукорежиссуре (в дальнейшем планируем открыть специальный факультет).

— Да, список одних лишь композиторов — наших выпускников — выглядит весьма солидно. Среди сам: Родион Шедрин, Ростислав Бойко, Александр Флярковский, Владислав Агафонников, Эдуард Артемьев, Валерий Кикта, Анатолий Киселев. Дирижеры-симфонисты — Эдуард Серов, Леопольд Гершкович, Игорь Дронов, Александр Петухов.

— Обозначь, пожалуйста, направление работы нынешней Академии хорового искусства.

— Концертный сезон мы открыли в сентябре (вместе с оркестром Владимира Спивакова) исполнением "Трех русских песен" Рахманинова и "Реквиема" Моцарта. Затем — с оркестром Федосеева — спели "Симфонию псалмов" Стравинского. На "Московской осени" — "Всеношную" Агафонникова и новую кантату Георгия Дмитриева. В декабре — "Семь врат Иерусалима" Кшиштофа Пендерецкого. Кстати в прошлом году мы уже пели его сочинения в Германии и во Франции, где "спиваковский" фестиваль в Кольмаре был посвящен целиком именно этому автору. Продолжу свое перечисление — накануне Нового года — "Реквием" Моцарта, в новом году — "Немецкий реквием" Брамса (с молодым немецким дирижером Томасом Зандерлингом), а сравнительно недавно (7 марта) — два новых сочинения нашего выпускника Анатолия Киселева ("Всеношное бдение" и "Литургия"). 18 марта (с оркестром Федосеева) — "Реквием" Верди, а 7 апреля "Stabat Mater".

В будущем сезоне споем несколько программ, посвященных творчеству нашего друга — композитора Владимира Рубина. Кстати, мы оказались первыми исполнителями самого последнего сочинения Эдисона Денисова — его огромной по масштабам оратории "История жизни и смерти Господа нашего Иисуса Христа" (мировая премьера прошла в Германии, российская — в Самаре и в Москве).

— Виктор, еще один вопрос: как обстоят дела с хоровым пением в стране?

— Увы: полная катастрофа. Убито то, что казалось вечным — хоровое пение в школах. Исчезли и любительские хоровые коллективы в Домах и Дворцах культуры. Могу сказать и о хорах нашей Академии — мы даем множество концертов, записываем бесчисленное число дисков. Но все это за рубежом — в Германии, Франции, Австрии, Японии. В России выступать мы практически перестали.

Беседу провел Аркадий Петров

Павел Чесноков
Сергей Корчака
(Хоровое училище, МХАТ, Р. 1945)
(14) 04 04
(апр.)